

УДК 008:94 (575.2) (04)

ФОНДЫ АРХИВОВ КЫРГЫЗСТАНА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА РЕСПУБЛИКИ

Н.А. Харченко – профессор

The article is concerned with archives materials as representative sources of librarian work history researching and bibliography creating in Kyrgyzstan.

Архивы принадлежат институтам, одной из социальных функций которых является сохранение исторической памяти. Сегодня нельзя согласиться с утверждениями некоторых известных историков и архивистов (Х. Букманн, Ос-террайхер, М. Фуко), что архивы – “арсенал законников”, служат исключительно законодательной и юридической практике и не могут быть историческими свидетельствами. Известный философ Жак Деррида дает иное объяснение: слово **архе** одновременно отсылает нас и к установлению, и к заповеди. Это слово явно соотносит два принципа: первоначало, принадлежащее природному миру или истории, собственно, то, “откуда есть пошла” та или иная вещь, – и в этом случае мы имеем дело с физическим, историческим или онтологическим принципом; но также это слово соотносено с **законом**, с тем, что “заповедано” людьми или богами, то есть с проявлениями власти или социального порядка, представленного как **сие место**, где дано **то или иное устройство**, – и тогда перед нами принцип номологический [1: 9].

Следы существования архивов в древности (до нашей эры) обнаружены в Месопотамии, Египте, целая система хранения архивных документов была создана в Иране, Китае, в империи Великих Моголов. И это не только сборники законов, судебных приговоров, царских распоряжений, записанных на глиняных табличках, папирусе, пергаменте, но и научные трактаты по экономике, медицине, кораблестроению и др. Например, при раскопках

древнего Урука (Месопотамия) был найден настоящий клад, который по праву называют и архивом, и библиотекой. Именно он позволил издать “Список архаических клинописных знаков”, расшифровавший надписи на глиняных табличках, позволивших нам узнать многое о жизни древнейшей цивилизации и системе хранения документов. «Здесь таблички складывались в ивовые корзины. Каждая корзина завязывалась, к ней прикреплялся формуляр, этикетка с надписями. Вот некоторые из них: “Документы, касающиеся сада”, “Посылка рабочих”, “Документы, касающиеся мастерской ткачей” и т.п.»

Мир узнал о существовании и культуре могущественного Хеттского государства, как писал один из участников экспедиции немецкого ученого Г. Винклера, когда нашли глиняные таблички, “...они хранились в архиве” [2: 13–15].

Библиотека сама по себе архив, так как собирает и хранит печатные, рукописные, а иногда и вещественные памятники прошлого. При написании истории библиотек и библиотечного дела Кыргызстана среди наиболее используемых и репрезентативных источников всегда выделялись материалы ЦГА, которые представляют собой серьезную фактологическую базу, явившуюся основой создания научных сборников по истории библиотечного дела [3], нескольких диссертационных исследований, библиографических справочников и отдельных статей.

По архивным материалам можно проследить историю становления, развития библиотечного дела Кыргызстана: организацию сети библиотек, формирование фондов и каталогов, создание системы обслуживания различных категорий читателей.

В научных сборниках по истории библиотечного дела, которые рассчитаны в первую очередь на исследователей, работающих в области культурного строительства, библиотечной теории и практики, систематизированы основные принципы организации библиотечного обслуживания в советский период:

- государственное построение сети библиотек, обеспечение их деятельности и руководство библиотечным делом;
- планомерность организации сети библиотек;
- общедоступность библиотек, способы привлечения населения к пользованию общественными книжными фондами;
- соответствие методов и содержание библиотечного обслуживания характеру запросов различных групп населения;
- развитие общественных начал в библиотечном деле.

Такое обоснование построено в основном на исследовании фондов ЦГА КР (105, 688, 1063, 1703, 2246 и др.). Именно документы архива позволили преодолеть трудности создания этих сборников и выпустить их репрезентативными, хотя предлагалось отбирать для издания только “положительные” факты. Очень хорошо об этом написала Л.М. Челнокова: “Листая протоколы 20-летней давности, проникаешься глубоким уважением к составителям, имевшим гражданское и профессиональное мужество противостоять в то непростое время доминировавшим взглядам и тенденциям замалчивания, приукрашивания, а порой просто некомпетентности” [4: 9].

Планомерность и государственный характер организации работы библиотек республики особенно наглядно проявляются в документах по комплектованию их книжных фондов, которое велось в основном централизованно с помощью сети специальных книготорговых учреждений – библиотечных коллекторов, а в крупнейших библиотеках, кроме того, – путем предоставления обязательных экземпляров те-

кущей печатной продукции. Об этом свидетельствуют выдержки из материалов ЦГА.

Например, о работе книжного коллектора: “...поступило с января (отчет 15 мая 1926 г.) из центрального коллектора 4 тыс. книг, отправлено по округам – 1800 книг, по Пишпекскому округу – 2600 книг” [5: 28] или о распределении обязательных экземпляров: “...предложить полиграфическим предприятиям, находящимся на территории Кирг. ССР, доставлять в книжную палату обязательные экземпляры изготовленных ими произведений печати, которая будет их распределять между книгохранилищами:

1. Книжная палата Кирг. ССР.
2. Государственная библиотека Кирг. ССР.
3. Пржевальская библиотека Кирг. ССР.
4. Фрунзенская городская библиотека.
5. Ошская областная библиотека” [6: 63–65; 63–66].

Много архивных документов говорят и о недостаточности книг, периодических изданий, особенно на киргизском языке [7: 99–103]. На русском языке необходимые фонды пополнялись из ведущих библиотек Москвы, Ленинграда: “Ввиду значительно возросшего спроса трудящихся Киргизии на книгу (и в особенности на учебные пособия) и отсутствия в столице Киргизии г. Фрунзе соответствующей требованиям фундаментальной библиотеки, Ленсовет берет на себя реальное содействовать Киргизии в деле пополнения ее библиотеки книгами при помощи Академии наук СССР в отношении консультации по комплектованию, путем выделения книг из библиотечного фонда Ленинграда, а также предоставления различных учебных пособий через Комиссию по улучшению быта учащихся” [8: 106, 108].

Многие исследователи истории библиотечного дела Кыргызстана, используя материалы ЦГА, доказывают практическое осуществление принципа общедоступности библиотек, которое достигалось, в первую очередь, бесплатностью пользования ими. Большое значение имело создание разветвленной системы библиотечного обслуживания и стремление к постоянному ее усовершенствованию, но при этом всегда учитывались серьезные недостатки (несвоевременное выделение средств на приобретение книг, плохая систематизация

фондов, отсутствие библиотекарей, владеющих киргизским языком и т.п.), что, естественно, сказывалось на посещаемости, книговыдаче, отношении к библиотеке [9: 135, 161–177, 179–182].

Документы свидетельствуют о серьезном подходе к подготовке кадров для библиотек с высшим и средним образованием. В 1947 г. только на вечернее отделение Московского библиотечного института поступило 80 человек, был упорядочен учебный процесс, институт укомплектован преподавательским составом. Но Комитет по делам культпросветучреждений во многих своих документах подчеркивает, что главной задачей является открытие средних учебных заведений, а к крупным недостаткам относит небольшое количество студентов-киргизов [3: 116]. Результатом решения поставленной задачи стало открытие в 1965 г. библиотечного отделения в Киргизском государственном университете, а также расширение контингента учащихся в Токмакском культпросветучилище, постоянное направление на учебу студентов в Москву и Ленинград. Число библиотечных работников со специальным образованием достигло 51%. Все вновь принятые библиотекари проходили практикумы в районных и центральных городских библиотеках. Ежегодно более 100 работников массовых библиотек принимали участие в семинарах, научно-практических конференциях, проходили стажировку в школах передового опыта [10: 8–9].

Начало становления и развития библиотечного дела в Кыргызстане в исторических и историко-культурных исследованиях связывают с 1870 г., когда открылись первые уездные библиотеки в городах Токмак и Ош. Несколько позже появились библиотеки при русско-туземных, приходских, сельскохозяйственных школах и училищах.

В одном из первых диссертационных исследований Н.И. Ромаха «История развития библиотечного дела в Киргизии (1870–1941 гг.)» проводится серьезное изучение документов многих архивов Узбекистана, Казахстана и ЦГА Кыргызстана. В последнем из упомянутых фондов она находит сведения о переведении библиотеки из г. Токмак в г. Пишпек, который стал уездным центром, о создании в

Токмаке в 1912 г. по требованию населения публичной библиотеки-читальни, хотя пользование ей было платным. На основе документов ЦГА Н.И. Ромаха рассматривает открытие и функционирование самостоятельных, приклубных библиотек, формирование их фондов, организацию передвижных библиотек, развитие библиотечных информационных процессов, обосновывает проблемы отношения к библиотекам различных слоев населения [11: 88–89].

В истории библиотечного дела Кыргызстана очень много интересных страниц по созданию библиотеки в г. Каракол. Полтора десятилетия ученики и сподвижники Н.М. Пржевальского – В.И. Роборовский, П.К. Козлов, М.В. Певцов, краевед Я.И. Корольков – добились открытия народной библиотеки его имени. Они организовали подписные листы для пожертвований, сделали собственные взносы, искали дарителей книг.

27 мая 1902 г. в Пржевальске по официальному разрешению губернатора Семиречинской области торжественно открывается первая народная библиотека в Кыргызстане, которой было присвоено имя Александра III. Разочарование инициаторов увековечения имени великого путешественника было беспредельным, высказывались даже мнения о возвращении собранных средств.

Известный историк-библиограф Кыргызстана З.Л. Амитин-Шапиро, некоторое время работавший в Пржевальске и встречавшийся с людьми, близкими к этой библиотеке, писал, что на деньги, пожертвованные представителями общественности, – Н.М. Барсовым, С.Ф. Бенедиктовым, С.Н. Сазоновым и другими – создавались первые фонды. Пржевальский кружок любителей искусства ставил спектакли в пользу библиотеки, русские интеллигенты на этапе становления передали ей в дар около 1500 книг [12].

В ЦГА сохранился ряд записей, писем, изучение которых показывает, что в становлении библиотеки г. Пржевальска было немало проблем, особенно в вопросах комплектования, организации фонда, его упорядочения. Заведующий библиотекой Н. Степанов попытался создать первый систематический каталог. Руководитель этой библиотеки в предвоенные годы С.М. Костюнин добился получе-

ния обязательного экземпляра краеведческих изданий и с удивительной последовательностью собрал не только все труды Н.М. Пржевальского, многие с автографом исследователя, но и отзывы на них его учеников и последователей [13: 35–36].

Большой комплекс архивных материалов исследован и отражен в монографиях, сборниках статей, выступлениях на научных республиканских и международных конференциях по истории почти всех этапов деятельности Государственной национальной библиотеки Кыргызстана. Документы ЦГА способствуют воссозданию ее специфики как универсальной научной библиотеки со дня открытия и почти до **сегодняшнего дня**. Библиотека обеспечивает потребности в изучении изданий многоотраслевой тематики и широкого хронологического диапазона, для чего располагает 6-миллионным фондом. Кроме этого, Национальная библиотека – методический, библиографический и научно-исследовательский центр.

Ранний период библиотеки, когда ею руководила Н.Л. Самсонова, был очень трудным, в первую очередь из-за отсутствия подготовленных кадров. И все же библиотека обслуживала около 500 читателей. Уже в 1936 г. был составлен список всей литературы о Кыргызстане, изданной на территории СССР, систематический и алфавитный каталоги, налажены связи с библиотеками России, которые делились книгами, периодическими изданиями, оказывали методико-консультативную помощь, хотя и эпизодически [14: 35–36].

На долю следующего директора, К.И. Байковой, выпало военное время, когда библиотека должна была полностью перестроить свою работу. Особенно интенсивно стала развиваться справочно-библиографическая деятельность, в которой испытывали наибольшую потребность ученые Военно-инженерной и Сельскохозяйственной академий, специалисты эвакуированных предприятий и организаций. Особую заботу библиотека проявляла о раненых, находившихся в госпиталях, о расквартированных в г. Фрунзе военных частях и училищах. Там создавались передвижные библиотеки, читали книги тяжелораненым, велись беседы. Библиотекарь Банникова вспоминает: «Самое трудное было найти подход к бойцам,

плохо знавшим русский язык, – армянам, таджикам, казахам, чувашам, но когда приносили им книгу, журнал или газету на родном языке, у больного улучшалось настроение, а госпитальные врачи просили “почаще” приносить “лекарство”» [15: 1, 3, 4].

Труд библиотекарей оценен в признательных письмах солдат, в постановлениях Совнаркома Киргизской ССР того периода с объявлением благодарностей всему коллективу и персонально К.И. Байковой, И.Н. Подгорной, Н.И. Дунаевой, В.А. Оконишниковой, Л.Н. Беляевой [16: 8, 62–63].

Основа библиографии Кыргызстана начала относительно систематически складываться после присоединения его к России, именно тогда территория края, его природные ресурсы, язык становятся предметом пристального изучения таких выдающихся русских ученых, как П.П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.А. Северцов, В.В. Радлов, Д.И. Мушкетов, Н.А. Аристов, В.В. Бартольд и многих других. Их труды стали основой той обширной сферы знаний, которая в науке известна как “киргизоведение”. Разумеется, появление значительной массы работ, впервые столь широко поведавших миру о Кыргызстане и его народе (многие из них были опубликованы за границей), не осталось без внимания библиографов. Наиболее полно, начиная со второй половины XIX в., материалы о Кыргызстане представлены в знаменитом “Туркестанском сборнике” В.И. Межова, где зафиксированы публикации о кыргызах и Кыргызстане начиная с древнейших времен.

В ряду с этим творением одного из основателей туркестанской библиографии стоит известный “Библиографический указатель сочинений о Средней Азии на русском языке” директора Туркестанской публичной библиотеки Н.В. Дмитриева, хронологически охватившего публикации с конца XVII в. Менее известны, но очень важны работы В.В. Завьялова, З.Ф. Панкиной и других, отражающие с разной степенью полноты материалы о Кыргызстане.

Характеризуя первый период складывания библиографии о Кыргызстане, следует подчеркнуть как минимум две характерные его особенности. Во-первых, отсутствие библиографических изданий, специально посвящен-

ных кыргызам и Кыргызстану. И это понятно, если учесть, что территория Кыргызстана воспринималась просто как составная часть Туркестана, бывшая до его присоединения к России провинцией Кокандского ханства, а в составе России – входящая в области Туркестанского края. Нельзя забывать, что как этнополитическая территория кыргызов она утверждается уже в советское время, после национально-территориального размежевания Средней Азии. Во-вторых, библиография края являлась сферой энтузиастов-любителей, страстных краеведов-книжников, людей увлеченных, но, к сожалению, не имеющих государственной поддержки. Вместе с тем именно они заложили основы краевой библиографии, позднее ставшей базой киргизской национальной библиографии.

Современное понимание задач, которые во всем цивилизованном мире решает библиография, в Советской России в своей основе было изложено в известном декрете “О передаче библиографического дела в РСФСР Наркомпросу”, подписанном В.И. Лениным в 1920 г. В нем была определена практическая важность библиографии в развитии экономики, науки, культуры, политической, государственной и общественной жизни. Библиография становилась сферой государственных интересов, создавалась определенная структура государственных учреждений, ответственных за это важное дело.

В этой связи не случайным является тот факт, что вопрос о национальной библиографии Кыргызстана был поставлен на Первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР в 1934 г. [17: 440–447].

Благодаря ЦГА КР М.Н. Петраковой удалось выявить основы справочно-библиографической работы и она, опираясь на материалы архива, утверждает: “Пишпекский центральный областной дом дехкана являлся центром справочной работы (1921–1928 гг.). Для удобства дехкан письменные справки можно было получить через избы-читальни, красные юрты, красные чайханы, школы, сельсоветы и т.д., для чего дехкане сообщали свои запросы ближайшему из перечисленных учреждений, которые немедленно пересылали их центральному дому дехкана. Ответы дом дехкана

посылал весьма оперативно, причем выдавались они на всех языках народов, населяющих республику. К справочной работе дом дехкана привлекал учителей, агрономов, юристов и других специалистов, постоянно здесь дежуривших” [18: 11]. В ее же исследованиях по этим проблемам говорится, что специфические библиотечные учреждения еще не могли оказывать серьезную библиографическую помощь: “...трудностью являлась почти сплошная неграмотность, отсутствие достаточного количества литературы на киргизском языке...” [19: 51–60].

Только в конце 30-х – начале 40-х гг. в Кыргызстане разворачивается систематическая, планомерная и разносторонняя библиографическая работа на базе созданных к тому времени Государственной публичной библиотеки, Государственной книжной палаты и научной библиотеки Киргизского филиала Академии наук СССР. Первый указатель научно-вспомогательного характера “Наука и литература Киргизии в дни Великой Отечественной войны” был подготовлен А.П. Кулаковым [20: 139–147].

В последующем в республике библиотеками ведется планомерная работа по созданию краеведческой библиографии, в которой, естественно, используются фонды ЦГА.

Говоря об историзме как общенаучном методе, применяемом в историко-библиотечном исследовании, хотелось бы обратить внимание на то, что исторические факты уникальны для каждой эпохи, поэтому важно при описании прошлого учитывать ценности исследуемого времени. Значимость источников, среди которых наиболее достоверны архивные материалы, непреложна. Анализируя их, исследователь должен помнить, что именно архив, в первую очередь, обеспечивает историческую память. И как раз в этом смысле он уникален во все времена своего существования, вне зависимости от названия и выделения в качестве самостоятельной структуры в государственных или иных институтах того или иного исторического периода.

Литература

1. *Derrida J.* Archive Fever: Freudian Impression // *Diacritics*. – 1995. – Vol. 25. – №2.
2. *Глухов А.* Из глубины веков. – М., 1971.

3. История библиотечного дела в Киргизии. Документы и материалы. – Фрунзе, 1976. – Т. 1. – Фрунзе, 1983. – Т.2.
4. О создании сборника документов и материалов “История библиотечного дела” // Кыргыз китепканасы. – Бишкек, 1994. – №3.
5. ЦГА КР. Ф. 652. Оп. 3. Д. 14. Л. 28.
6. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 10. Д. 37. Л. 63–65; ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 10. Д. 37. Л. 63–66.
7. ЦГА КР. Ф. 1703. Оп. 3. Д. 94. Л. 28–33; Там же. Д.117. Л. 99-103.
8. ЦГА КР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 875. Л. 106, 108.
9. ЦГА КР. Ф. 647. Оп.1. Д. 73. Л. 63–65; ЦГА КР. Ф.1665. Оп.1. Д. 29. Л. 135, 161–177, 179–182.
10. ЦГА КР. Ф. 2582. Оп.3. Д. 151. Л. 8–9.
11. ЦГА КБ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 138. Л.156; Д. 48. Л.150; Д. 205. Л. 9; Д. 48. Л.11; Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 4,8, 10, 27; Там же. Ф. 2246. Д. 10. Л. 3, 88–89.
12. *Амитин-Шапиро З.Л.* Старейшая библиотека Киргизии // Комсомолец Киргизии. – 1952. – 30 мая.
13. ЦГА КР. Ф. 651. Оп.1. Д. 84. Л. 35–36.
14. ЦГА КР. Ф. 688. Оп.3. Д. 379. Л. 57, 60–64.
15. ЦГА Кыргызстана. Ф. 1703. Оп. 3. Д. 7. Л. 1, 3, 4.
16. ЦГА Кыргызстана. Ф. 300. Оп. 1. Д. 343. Л. 8. Д. 323. Л. 62–63.
17. ЦГА КР. Ф. 647. Оп.7. Д. 112; Киргизия: Труды первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
18. ЦГА КР. Ф. 688. Оп.1. Д. 11. Л. 11.
19. *Петракова М.Н.* Развитие рекомендательной библиографии Киргизии в годы восстановления и подъема народного хозяйства республики // Мат-лы первой научн.-практ. конф. по библиотековедению и библиографии. – Фрунзе, 1967.
20. Известия Кир. ФАН СССР. – Фрунзе, 1945. – Вып. 1–3.